

САМОЕ замечательное произведение, созданное «королем репортеров» В. А. Гиляровским, — это его жизнь. В старости он сам отмечал «приключенческий» характер своей жизни, пестрой, непоседливой, богатой встречами, событиями и кричащими контрастами темного и светлого, присутствии старой России.

В. А. Гиляровский не был сторонним наблюдателем этих событий. Он активнейшим образом вмешивался и в темные, и в светлые стороны жизни, принимая непосредственное участие во всем, что потом становилось темой его талантливого пера журналиста. Он очевидец, но очевидец активный, выражающий свое отношение к происходящему и словом, и делом.

Настроенный демократически-революционно, влюбленный в родной народ, в то время угнетенный царским строем, В. А. Гиляровский всем сердцем был на стороне народа. Все его произведения — это своего рода обвинительный материал против эксплуатации и несправедливости.

Юношей, увлекшись романом Н. Г. Чернышевского «Что делать?», В. А. Гиляровский решает посвятить себя физическому труду, разделить участь рабочего люда, стать ближе к простому народу. Будущий «король репортеров» уходит на Волгу, в бурлаки. Он впрягается в лямку, окунается полностью в тяжкую жизнь этих грузеников.

Наделенный огромной физической силой, Гиляровский делом убеждает бурлаков, что он не барич, не ищущий приключений человек иного класса, желающий «опроститься» по какому-то, одному ему ведомым причинам, а свой, настоящий бурлак-горемыка, понимающий их душу, их жизнь, их непосильный труд, изнуряющий человека физически и морально.

Бурлацкие ночи у костра, волжские просторы и песни навсегда остаются в душе молодого Гиляровского, а волжский народный герой Степан Разин — героем его поэтических произведений.

Таким же «своим» Гиляровский поступает в рабочие белильного завода, труд которых даже по сравнению с трудом бурлаков можно было назвать еще более тленным. Писатель Глеб Успенский, прочитав после очерк Гиляровского об этом заводе, озаглавленный «Обреченные», сказал автору: «Ведь это золото, ведь ты показал такой ад, откуда возврата нет. Приходят умирать, чтобы хозяин машину набил».

Бурлачество, работа грузчика, труд кубовщика на белильном заводе, табунщика в задонских степях, доля солдата в царской казарме и лазутчика на войне — вот школа жизни Гиляровского. Театр и литература — это уже его университет.

Все события в его рассказах — это не только правда, подсмотренная глазом художника, но испитанная собственным горбом, личным опытом правда.

Множество профессий «перепробовал» Гиляровский. Поэт и писатель, газетный репортер, он писал потом о Чехове и Горьком как человек, близко знавший и их самих, и тот литературно-газетный быт, в котором они вместе работа-

ВСПОМИНАЮ «ДЯДЮ ГИЛЯЯ»...

ли. Его «Москва газетная» — это маленькие яркие биографии свыше двадцати предреволюционных газет и журналов, где печатались, кроме Горького и Чехова, Лев Толстой, Салтыков-Щедрин, Мамин-Сибиряк, Куприн, Бунин, Серафимович и многие другие, знавшие и любившие Гиляровского, или «дядю Гиляя», как его называли.

Галерея современников (и каких современников!) живет и действует в талантливых очерках Гиляровского.

Нет смысла пересказывать «похождения» Гиляровского, или «дяди Гиляя», как репортера. Это надо читать. В пересказах исчезают своеобразие и аромат подлинника.

«Король репортеров» умел проникать в аристократические и финансовые верхи старой России и бесстрашно опускался на самое ее «дно», пренебрегая опасностями. Люди, дошедшие до предела падения, уважительно относились к «дяде Гиляю», чувствуя нутром, инстинктивно, что этот могучий, почти легендарный «газетчик» не выдаст; что и под лохмотьями бродяги, и под личиной вора, бежавшего с каторги, он видит человека, вольно или невольно попавшего в беду, но прежде всего — человека. В этом высоком звании Гиляровский никогда не отказывал людям.

Лишь порой, когда, озверевший от водки, какой-нибудь потерявший окончательно человеческий облик хулиган и убийца начинал обижать слабейших, могучие кулаки «дяди Гиляя» мгновенно восстанавливали справедливость. Но такие случаи были весьма редки.

ГИЛЯРОВСКИЙ презирал людей, равнодушных к чужому горю, равнодушных вообще к жизни. Писатель К. Паустовский, описывая «вездесущего» «дядю Гиляя», встреченного им уже на склоне его лет, так рассказывает о нем: «Молокососы! — кричал он нам, молодым газетчикам. — Трухлявые либералы!.. В газете должны быть такие речи, чтобы у читателя спирало дыхание. А вы что делаете? Мямлите!.. Я знаю русский народ. Он вам покажет, где раки зимуют! Можно, конечно, проливать слезы над собственной статьей о русском мужике. Да от одного мужичьего слова вас всех хватит кондрашка».

Это очень похоже на «дядю Гиляя»!

Я сам много раз встречал Гиляровского в конце двадцатых годов в Москве (а как в Москве можно было не встретить «дядю Гиляя»?) за кулисами эстрадных концертов. Он до страсти любил «потолкаться» среди актеров. Как-то я рискнул спросить у него:

— Владимир Алексеевич, вот вы слушали меня, скажите откровенно: понравился вам мой фельетон?

— Мальчик, — ответил мне Владимир Алексеевич, — а я иначе, как откровенно, никогда не говорил и не писал. Так вот скажу откровенно: понравился! Не фельетон, в содержание его я даже и не вникал. Понравилась твоя манера кричать. Ты кричишь громко и искренне, а потому, вероятно, и правдиво. Врать громко и искренне не удавалось актерам и побольше тебя...

Выше всего на свете ценил «дядю Гиляя» правдивость и искренность. В конце своей жизни он писал: «С гордостью почти полвека носил я звание репортера. Я бесконечно любил это дело и отдавался ему весь, часто не без риска. И никогда, ни одно мое соображение не было опровергнуто. Все было строгой, проверенной правдой. И если теперь я пишу эти строки, так только потому, что я, репортер, имею честь быть членом Союза советских писателей».

В книгах В. А. Гиляровского много очерков о театре и много портретов актеров. Написаны эти очерки и портреты не только мастерски, но и с глубоким знанием дела. К числу многочисленных профессий «дяди Гиляя» принадлежит и профессия актера. Его театральные воспоминания касаются и тех дней русского театра, когда провинциальные жрецы Мельпомены бродили по шпалам «из Керчи в Вологду», и, наоборот, близкой дружбы с такими корифеями, как Андреев-Бурлак, Шалапин, Южин, Ермолова.

Именно Мария Николаевна Ермолова сказала В. А. Гиляровскому: «Столько видеть и не писать — нельзя».

И, может быть, вняв совету своего гениального друга, начал Гиляровский сводить свои прежние

газетные очерки и фельетоны в книги, дополняя их и новыми произведениями. Уже в годы Советской власти вышли его сборники «Мои скитания», «Москва и москвичи», «Люди театра» и другие.

ПЕРВЫЙ дореволюционный сборник рассказов В. А. Гиляровского «Трущобные люди» (1887) был сожжен царской цензурой до выхода его в свет. В цензурном комитете автору сказали: «Так писать нельзя. Сплошной мрак, ни одного проблеска, никакого оправдания, только обвинение существующего порядка».

Комитет министров, разбирая эту же книгу, нашел, что автор «не скрывает своих симпатий и жертвам порока и усиливается показать, что они дошли до падения не по своей воле».

В этой последней фразе заключается внутренняя сущность всех рассказов Гиляровского об обиженных и несчастных.

Книги «дяди Гиляя», напечатанные уже в наше время, мгновенно стали любимыми в самых широких кругах советских читателей.

Свершилось как бы второе рождение писателя: он был сугубо сегодняшним при жизни и стал вновь сегодняшним сейчас, уже после своей смерти, когда и люди, и события, о которых он пишет, не существуют. Прошлое, о котором рассказывает Гиляровский, волнует и трогает потому, что показано это прошлое не для обвинения им и даже не для осуждения, а для сравнения и высокой оценки всего нового, сделавшего нашу сегодняшнюю жизнь справедливее, краше и лучше.

Максим Горький говорил неоднократно: «Не зная прошлого — невозможно понять подлинный смысл настоящего и целей будущего».

Это особенно приходит на ум, когда читаешь рассказы В. А. Гиляровского, собранные под рубрикой «Москва и москвичи». Перед нами проходят живые картины старой Москвы со зловонной Неглинкой, с Хитровым рынком, с трущобами и притонами-ночлежками, с тяжким, непосильным трудом рабочего люда, с безобразиями кутящих воротил-купцов и прочих прожигателей жизни. Но Гиляровский показывает не только это. В старой Москве шла упорная борьба за свободу, за лучшее будущее. В Москве была «Хитровка», но была и Красная Пресня (так она называется теперь), были Художественный и Малый театры, жили Горький и Чехов. Очень тонко, умело, с сердечной любовью не только к старой, но и к новой Москве пишет эти свои рассказы «дядя Гиляя». Печалась о плохом в старой Москве, он показывает или называет причины этого плохого. Он пишет о Москве правду, а правда всегда убеждает и побеждает.

ПОСЛЕ Великой Октябрьской революции В. А. Гиляровский активно включается в жизнь страны. Он сотрудничает в «Известиях», «Комсомольской правде», «Вечерней Москве», «Огоньке», «Крокодиле» и других изданиях.

«Король репортеров» старой Москвы спешил внести свой вклад в журналы и газеты Москвы новой, советской. Прекрасная жизнь человека, сумевшего чудесно поведать о ней в своих книгах.

Несколько раз переиздаваемые книги эти давно уже исчезли с книжных прилавков. Желаящих «почитать Гиляровского» значительно больше, чем напечатанных его книг. Поэтому нельзя не приветствовать выпущенный сейчас издательством «Московский рабочий» трехтомник избранных произведений «дяди Гиляя». В трехтомнике полностью напечатаны ранее вышедшие его «Трущобные люди», «Мои скитания», «Люди театра», «Москва и москвичи». В одном из томов впервые напечатаны воспоминания Гиляровского о его репортерской работе — «Москва газетная», а также ряд рассказов и очерков, не входивших в ранее выпущенные сборники. Прделана большая редакционная работа Е. Г. Киселевой, по-видимому, прекрасно изучившей творчество «дяди Гиляя». Очень хороши иллюстрации, и жаль, что их сравнительно немного.

Весь трехтомник — чудесный подарок советским книголюбам.

Ник. СМЕРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ.

Московская правда

20 января 1961 г.

3 стр.